

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1.09 Булгаков

Алексеева Л.Ф.

Московский государственный областной университет

РОМАН М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» – ПРОЗРЕНИЕ О ДУХОВНЫХ РЕАЛИЯХ XX ВЕКА

Аннотация. Предлагается интерпретация романа М.А. Булгакова через обращение к новым литературным параллелям и аналогиям, в частности к произведениям А.Н. Майкова. Позиция автора романа проектирована на религиозно-философские идеи В.С. Соловьёва. Угол зрения Мастера на христианскую историю соотнесён с толстовскими, по сути своей масонскими, установками на непотворение злу; с этой целью привлекается книга И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925). Одним из оригинальных положений является толкование ложного милосердия Маргариты к детоубийце Фриде – за этой ситуацией предполагается булгаковское реагирование на тотальную склонность женщин XX века к абортам. В конечном итоге роман прочитывается как духовный срез эпохи безбожия.

Ключевые слова: интерпретация, литературные прецеденты, творческая родословная, эмпирическая база, духовные реалии, inferнальные глубины, мистическое прозрение, безбожие.

L. Alexeyeva

Moscow State Regional University

M. BULGAKOV'S NOVEL "MASTER AND MARGARITA" AS AN INSIGHT ABOUT SPIRITUAL REALITIES OF THE 20TH CENTURY

Abstract. The article offers an interpretation of Bulgakov's novel by resorting to new literary parallels and analogies, in particular to the works of A. Maikov. Author's position is linked with V. Solovyov's religious and philosophical ideas. Master's point of view of the Christian story is correlated with Tolstoy's one, inherently Masonic installations on non-resistance to evil, for this purpose I. Ilin's book «On resistance to evil by force» (1925) is drawn. One of the original interpretations belongs to Margarita's false mercy to Infanticide Frida - this is considered as Bulgakov's response towards the tendency of women's abortion in the 20th century. Ultimately, the novel reads like a spiritual profile of era of godlessness.

Key-words: interpretation, literary precedents, creative lineage, empiric basis, spiritual realities, infernal depth, mystic insight, godlessness.

Роман Булгакова со времён его первой публикации на страницах журнала «Москва» (1966–1967) привлекал немало внимания литературоведов и богословов. Многие толкования этого произведения отличаются исторической достоверностью и обстоятельностью, другие, однако, нуждаются в уточнениях и пояснениях или должны быть опровергнуты, поскольку придают звучанию авторской концепции романа искажённый, а то и прямо противоположный смысл. Это тем более важно, что произведение включено в школьную программу, и ложные его интерпретации внесут дополнительную сумятицу в неокрепшие умы молодых читателей.

К примеру, в содержащей немало интересной исторической информации и весьма значимых литературных аналогий книге Б. Соколова «Расшифрованный Булгаков: тайны “Мастера и Маргариты”» (2010) претензия на разгадывание всех тёмных мест романа связана с провозглашением автора романа «политическим писателем» [12, с. 9 – 117], вопреки собственному определению Булгакова в письме правительству от 28 марта 1930 года себя как «мистического писателя». Проблема масонства представлена в названной книге как его апология Булгаковым (это сомнительно) и справедливо толкуется в этом солидном труде как по сути иерархическое покровительство Воландом Мастера [12, с. 398 – 453].

Время, когда Булгаков задумывал и писал свой роман, отличалось острыми, глубочайшими переменами во всех сферах жизни. Недаром поэты соотносили русские революции 1917 года не с Великой Французской революцией, а с началом христианской эры: «Рост

размеров этих событий ныне каждый из нас, не лишившийся зрения, может наблюдать почти ежедневно» [2, с. 155], – писал А. Блок. Вопросы, которые возникали перед многими современниками в конце XIX – начале XX века, касались состояния веры, брожения умов, утраты прежних идеалов, падения нравов у людей, добровольно отказавшихся от жертвы Христа и нравственных заветов христианства. На этих вопросах заостряли внимание прозаики, поэты, философы. Среди них Вл. Соловьёв, Д. Мережковский, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, М. Горький, Ив. Бунин, Л. Андреев, А. Ремизов, А. Блок, А. Белый, М. Волошин, Н. Бердяев, о. Павел Флоренский, И.А. Ильин...

По сути, замысел романа был подготовлен всей историей русской и западноевропейской религиозно-философской и эстетической мысли, художественными открытиями писателей-классиков, предчувствовавших глобальные перемены, обнажавших состояние национального духа в момент исторического крушения русской державы. Важно было определить главный нерв коллективного сознания, неуловимого мироощущения современников, выяснить метафизические причины всемирной трагедии.

Среди непосредственных предшественников писателя, безусловно, следует назвать Леонида Андреева с «Моиими записками», «Дневником сатаны», Федора Сологуба с «Мелким бесом», А. Блока с «Песнью ада» и «Жизнью моего приятеля», С. Есенина с «Чёрным человеком». Все контекстовые переключки перечислить, видимо, невозможно. По мере изучения текста постепенно прибавляются к затекстовому пространству всё новые и новые названия. При-

близиться повторно (или впервые) к некоторым параллелям представляется необходимым и увлекательным.

Недаром творческую родословную Булгакова возводят к Гоголю и Салтыкову-Щедрину, что не однажды декларировал и сам автор. Разумеется, литературные прецеденты были важны в первую очередь как преддверие собственных творческих замыслов М. Булгакова, нового индивидуально взвешенного отклика на современность. Наблюдения над соотечественниками, личный профессиональный, гражданский и семейный жизненный опыт, разработка многих тем в собственных произведениях прозы малых жанров, в драматургии – всё выступило в качестве идейной и эмпирической базы, на которой строился последний роман.

Несмотря на свидетельства родственников, в частности сестёр, об отказе Булгакова от веры, его «сатанинской гордости», многое в его художественном мире говорит об остром духовном зрении, провиденциальном даре, духовной подоплёке всего, что наблюдал он в современной ему земной реальности. Непросто соотносить аксиологию писателя с божественными высотами и inferнальными глубинами, рассмотреть, как на человека влияют демонские, сатанинские силы.

Духовный рост человека с древних времён связан с умением увидеть изъяны собственного пути, открыть в себе непоправимые изломы, устранимые только через покаяние и молитву – Божиим милосердием. Последний роман может быть прочитан как горькое, исповедальное, покаянное произведение.

Булгаков вырос в православной семье, духовная литература имела в

доме уже потому, что его отец читал лекции в Киевской Духовной Академии, причём был специалистом в области западноевропейских христианских конфессий. В том, что Михаил Афанасьевич любил и уважал своего отца, не может быть сомнений. Идеал лампы под зелёным абажуром связан именно с кабинетом отца, его мирным кропотливым трудом над духовными сочинениями. Родственники оставили сведения о том, что, будучи подростком, будущий писатель тяжело переживал «роман» мамы-вдовы с доктором Иваном Павловичем Воскресенским, поскольку его удручала измена отцу, ушедшему в вечность [4, с. 40]. Недаром в романе «Белая гвардия» упоминаются шкафы с книгами.

Безусловно, стояли там святоотеческие труды. Пристальному самопознанию учил блаженный Августин: «Ты поставил меня лицом к лицу со мной, чтобы видел я свой позор и грязь, своё убожество, свои лишаи и язвы. И я увидел и ужаснулся, и некуда было бежать от себя. Ты вновь ставил меня передо мной и заставлял, не отрываясь, смотреть на себя: погляди неправду свою и возненавидь её...» [1, с. 114].

Демонические сюжеты неслучайно многогранно разрабатывались русской литературой. Уроки «афеизма» (атеизма) стали уже в «девятнадцатом железном» веке весьма распространённым явлением. Дух зла вплотную и весьма агрессивно приблизился к человеческой душе, и чуткие поэты выразили это в своей лирике и поэмах. Предчувствием тотальной духовной угрозы исполнены «Демон» и «Бесы» А.С. Пушкина, «Демон» Лермонтова, романы М.Н. Загоскина, «Дух века» и «Два беса» А. Майкова...

Датированная 1844 годом драматическая поэма в стихах Аполлона Майкова «Дух века» содержит философское «кредо» властителя дум: «Всем благам есть один итог: / Набитый туго кошелёк, / Сей ключ под все подходит двери; / Вес, слава, честность, прямота, / Великодушье, красота, / Честь, ум – или по крайней мере, / Названье “умный человек” – / Всё купишь золотом в наш век...» [10, с. 322]. Голос «прогрессивного беса» у Аполлона Майкова звучит как предвестье тех обстоятельств, в которых действуют герои Булгакова: «<...>Мы действуем на убежденье масс, / Так их ведём, чтоб им ни пить, ни кушать, / А без разбору только б рушить, рушить!» [10, с. 374] Задача нечистых – действовать скрытно, незаметно: «Пусть их сами / Работают, подтолкнутые нами!» Особенно важны в монологе майковского персонажа слова, будто подхваченные булгаковским Воландом и иронически произнесённые им у Патриарших прудов в адрес тех, кто уже хорошо усвоил эту бесовскую подсказку: «Пусть думают, что нас и нет совсем, / Что мы – мечта, невежества создание, / Что нам и места нет средь мироздания!» Однако это пренебрежение знанием о силах зла отнюдь не обессиливает эти силы, напротив, даже укрепляет их коварные планы: «Пусть убедятся в этом... И тогда, / Тогда, любезный друг, придёт чреда, / Мы явимся в своём природном виде, / И скажем им: “Пожалуйте”...» [10, с. 374].

Булгаков запечатлел тот момент в духовном состоянии Европы и России, когда силы зла откровенно торжествуют, пользуются своей властью, чтобы поглумиться над прежними христианами, утратившими главное противо-

бесовское оружие – силу живоносного креста.

Библиотека покойного Афанасия Ивановича, безусловно, включала труды весьма известного в религиозно-философских кругах мыслителя и духовидца Владимира Соловьёва, как и воспоминания о нём современников.

Возникшие в середине XIX в. социалистические идеи толковались В.С. Соловьёвым с религиозных позиций весьма основательно уже в работе, созданной в 1880-е годы, – «Философские начала цельного знания». Некоторые строки этой работы предугадали отношение Булгакова-сына к восприятию социальных и нравственно-этических вопросов в России XX века: «<...> Было бы смешно видеть в социализме последнее вселенское откровение, долженствующее переродить человечество. На самом деле никакое изменение общественных отношений, никакое пересоздание общественных форм не может удовлетворить тех вечных требований и вопросов, которыми определяется собственно человеческая жизнь. Если мы предположим даже полное осуществление социалистической задачи, когда все люди одинаково будут пользоваться благами и удобствами цивилизованной жизни, с тем большею силой и неотступностью встанут перед ними вечные вопросы о внутреннем содержании жизни, о высшей цели человеческой деятельности» [13, с. 103]. Отказ от знаний о духовных началах мира не устраняет этих начал. Соловьёв как будто проектирует сцену будущего романа Булгакова: «... мистика не только продолжает существовать втайне, но время от времени показывается и въявь (хотя

бы только с заднего двора), производя комическую панику среди трезвых умов» [13, с. 109]. Писателю здесь открывается поле для сатирического осмысления.

Не исключено, что писательская задача была (хотя бы отчасти) осознана Булгаковым через идеи Соловьёва. Отозвались в произведениях Булгакова не только идеи бессмертной любви во взаимоотношениях между людьми противоположных полов, но и острое внимание Соловьёва к проблеме зла. Известно, что Соловьёв нередко видел самого дьявола, стремился его разоблачить, опасался, что его ждёт месть злых сил за это разоблачение, за предсказание власти антихриста. Глава «О христианстве» труда «Духовные основы жизни» Соловьёва открывается цитатой из 1 послания апостола Иоанна: «Мир весь во зле лежит» (1 посл. ап. Иоанна, V, 19). С начала христианской эры были люди, которые «не видели того зла, от которого Христос пришёл спасти мир. А не видели они его и не видят потому, что они сами от мира и совсем одержимы мировым злом» [13, с. 188].

Соловьёвские предсказания подтверждались событиями войн и революций, разразившихся уже после смерти философа, их духовный смысл был для него ясен задолго до воплощения в истории: «Сущность мирового зла состоит в отчуждении и разладе всех существ, в их взаимном противоречии и несовместности. Но в этом же самом состоит и бессмысленное (иррациональное) бытие мира» [13, 190]. Художник мог в раздумьях Соловьёва увидеть главный принцип создания картины мира, опору для собственного угла зрения: «... наша практическая задача – сделать внешнюю среду

проницаемую для нашей воли или послушную нам, – и наша теоретическая задача – сделать ту же среду прозрачною для нашего ума, ясною или понятною нам <...>». Для исполнения задач «мы сами должны стать светлыми и проницаемыми для всего» [13, с. 190]. Теперь, когда мы читаем «Собачье сердце» или «Роковые яйца», соотнося содержание произведений с формулировками Соловьёва, мы можем предположить основные импульсы, которыми руководствовался «мистический писатель».

Почему роман Булгакова привлекает многочисленных читателей, несмотря на изображение абсурдных сцен, уродливых характеров? Дело в том, что автор осмысливает силу злого разделения мира как человек, верующий в силу добра – главной скрепы распадающихся звеньев бытия: «На тёмной основе разлада и хаоса невидимая сила выводит светлые нити всеобщей жизни и слаживает разрозненные черты вселенной и стройные образы. Мир не пустое слово; есть в мире смысл, и он всюду проглядывает и пробивается сквозь одержащее его бессмыслие» [13, с. 191], – писал В. Соловьёв.

Эту благую силу чувствовал и реализовал в своём творчестве Н. Гоголь. В «Театральном разезде» сатирик сформулировал от лица автора пьесы сожаление по поводу того, что публика не заметила положительного «персонажа»: «Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во все продолжение её. Это честное, благородное лицо был – смех. Гоголь защищал «смех, который весь излетает из светлой природы человека, излетает из неё потому, что на дне её заключён

вечно бьющий родник его, который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без проникающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека» [6, с. 249]. Гоголь подчеркнул добрый источник смеха: «нет, несправедливы те, которые говорят, будто возмущает смех. Возмущает только то, что мрачно, а смех светел. Многое бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но, озарённое силою смеха, несёт оно уже примиренье в душу» [6, с. 249]. В лице Гоголя автор романа «Мастер и Маргарита» приобрёл защитника задолго до дебатов о смысле романа, более того, задолго до создания самого романа: «Нет, засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко добрая душа» [6, с. 250].

О сущности юмористического начала в творчестве и проявлении комического дара в искусстве выразительно написал И.А. Ильин, подчёркивая, сколь благодатно умение «в любой ситуации – сколь бы трудной, запутанной или безнадёжной она ни была – отыскать присущий ей издревле комизм <...>». Трудно заметить, что «многое вокруг нас несёт в себе скрытый “источник смеха”, как будто оно лишь ждёт мастера, который вот-вот появится и освободит для действительной жизни это «спелёнутое» ядро смеха» [9, с. 178-179].

Многоплановый роман Булгакова требует дополнительных «расшифровок» – не только повествования об исторической современности 1920–1930-х годов, но и – в особенности – содержания «романа в романе», написанного потерявшим имя мастером, больным психиатрической клиники –

118 номером – под диктовку Воланда. Концепция реального существования Апологета Добра (Христа) как человека, – и только человека, – была и остаётся популярной. Для Воланда совсем не обязательно устранять память о Нём: да был, но «сын неизвестных родителей», никому не причинивший никакого зла непротивленец, не обладающий даже желанием чему-то мешать, судить, наказывать, излечивший только одного Пилата – добрый (абсолютно добрый) человек, лишённый воли и божественной мощи.

Булгаковский роман создавался в тридцатые годы, когда антирелигиозная деятельность властей и новой общественности достигла своего апогея. Храмы взрывались на глазах писателя. В отсутствие Бога неизбежно является диавол. Ситуация была предсказана В. Соловьёвым, кроме упоминавшихся трудов, в его «Трёх разговорах», в повести об антихристе. Устранение избытка москвичей 1920–1930-х годов богообщения, агрессивное отношение к любым религиозным идеям, находит освещение в романе Булгакова.

Русская интеллигенция накануне революционных изменений от масонской интерпретации Христа мудро отказывалась. Как верить этому искажённому, созданному воображением масонов лику? Диякон Андрей Кураев указал на то, что «в романе Мастера излагается философия Толстого» [7, с. 67]. Думается, что одним из плодотворных подходов для прочтения романа Булгакова «Мастер и Маргарита» может быть его рассмотрение в соотнесении с толстовской интерпретацией Евангелия, его масонской по существу теорией непротivления злу насилieм.

По свидетельству В.Л. Величко, В.С. Соловьёв горячо опровергал подмену Толстым Евангельского образа Христа: «Если бы граф Л.Н. Толстой, излагая своё учение, не опирался на авторитет Христа, я считал бы его вполне правым, ибо никому не должно возбраняться создавать какую угодно моральную систему, с которой все другие могут спорить. Но беда в том, что граф Лев Николаевич выдаёт плоды своего творчества за истинное, очищенное христианство – и многие могут ему поверить ввиду того, серьезное знакомство с религией в наши дни большая редкость: скорее отличат дерево, выкрашенное под орех, от настоящей ореховой доски или маргарин от масла, нежели поймут, какая громадная ошибка заключается в подмене настоящей христианской идеи даже самыми гуманными морально-философскими суррогатами» [5, с. 37].

Отец Булгакова проводил параллель между событиями русской революции 1905 года и духовным состоянием французов в конце XVIII века. Приведём цитату, включённую в биографическое повествование А.Н. Варламовым: «...Современное франкмасонство в национальном отношении является интернациональным (международным), в учении веры индифферентным (религиозно безразличным), в государственном отношении стремящимся к олигархическому образу правления, то есть к преобладанию в управлении всех стран тех немногих лиц, которые держат в руках своих все нити франкмасонского союза» [14]. Биограф ссылается на «Труды Киевской духовной академии» (Киев, 1903).

Книга И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» вышла в Италии в 1925

году, когда граница ещё не была закрыта «железным занавесом». Любовь Евгеньевна Белозерская привезла в Москву из зарубежья не только рассказы об эмиграции, но и некоторые издания. Было ли среди других книг философское сочинение Ильина, проверить непросто. Однако общая позиция И.А. Ильина была известна автору «Мастера». Одна из важнейших мыслей И.А. Ильина связана с пониманием объективной реальности зла. Это отнюдь не проявление отдельной больной души, не психологическая проблема. Опыт философского обдумывания событий привёл его к созданию развернутой концепции, нацеленной на необходимость сопротивления злу, а не потакания ему, отнюдь не смирения перед злодеями и злодейством.

Ильин писал: «Человек гибнет не только тогда, когда он беднеет, голодает, страдает и умирает, а тогда, когда он слабеет духом и разлагается нравственно и религиозно; не тогда, когда ему трудно жить или невозможно поддерживать своё существование, а тогда, когда он живёт унижительно и умирает позорно; не тогда, когда он страдает или терпит лишения и беды, а когда он предаётся злу. И вот, довести человека до этого самопредания, до несопротивления, до покорности, до наслаждения злом и преданности ему бывает гораздо легче не физическим насилием, а другими, более мягкими средствами <...> Зло гораздо легче входит в душу, прокрадываясь и увлекая, чем насилуя и ломая; для него бывает целесообразнее надеть личину, чем сразу обнаружить свою отвратительность. Поэтому злодеи, желая одолеть незлодеев, не только насилуют и убивают, но восхваляют зло,

поносят добро, лгут, клеветают, льстят, пропагандируют и агитируют, <...> искушают, чувственно опьяняя взор, и слух, и сознание, угождая дурным инстинктам и разжигая их до состояния страстного кипения» [8, с. 73-74].

Б.В. Соколов уверенно заявил на страницах своей монографии: «Для Булгакова мистическое в “Мастере и Маргарите” было лишь литературным приёмом...» [12, с. 396 – 397]. Думается, что это явное заблуждение. Писатель мистическое прозрение ставит во главу угла. Его интересует состояние современной души народа.

Дьякон о. Андрей Кураев обращал внимание на несовпадения Евангелия и сюжетных звеньев *романа в романе*. Богослов подчеркнул, что повествование о Га-Ноцри начинает вести Воланд, а потом диктует текст Мастеру («как будто кто водит моей рукой»). Может ли дьявол обойтись без козней? Заметим, что Воланд «поощряет» Мастера и его тайную подругу. Роман Мастера недаром вызывает сомнения – в первую очередь у него самого и создавшего его Булгакова, неслучайно он делает попытку его сжечь.

Булгаков с горечью констатировал, что в современном мире подтвердить существование Бога неразумным атеистам может разве что уверившийся в своей несокрушимой силе дьявол. Но при этом сатана, как ему и полагается, совершает подмену.

Образ непротивленца, слабого и мягкого, ни в чём не виновного, но пострадавшего от властей человека, становится идеалом для Мастера. Подражая этому вымышленному (внушенному) герою, Мастер самоустраняется из обстоятельств. Иешуа Га Ноцри просит сатану позаботиться

о посмертной судьбе Мастера и Маргариты. Это льстит Воланду, который чувствует себя хозяином положения в стране, отвернувшейся от источника жизни. Пессимистические прозрения Булгакова основаны на зорком наблюдении современного духовного состояния людей, понимании истоков происходящего в XX в. Подмена Христа антихристом – одна из целей смертоносных сил.

Сразу заметим, что расхождений с традиционным пониманием дьявола у Булгакова немного. Отнюдь не предстаёт сатана борцом за благонаравие. Некоторые толкователи видят в Воланде чуть ли не положительного персонажа, который вершит наказание преступников, выводит на чистую воду закоренелых грешников. Однако защитники Воланда просто невнимательно читали текст. Рядом с настоящим Творцом он смешон и гадок. Господь милосердно прощает человеку грехи – сатана соблазняет, ввергает в грех, подвергает затем глумлению и мучительству, сеет безумие и смерть – с самого начала романа и до его конца. Некоторые толкователи видят в Воланде чуть ли не положительного персонажа, который вершит наказание преступников, выводит на чистую воду закоренелых грешников. Заметим сразу – глумится над людьми, лишая их человеческого лица, разума, а то и вовсе поощряя отрезание или отрывание их беспечной головы.

Царство антихриста в булгаковском романе предстаёт в своём сатирическом ореоле. Многие герои при жизни ввергают себя во ад, отказавшись от светлого пути к Истине. Сцены разоблачения грешников смешны, и молодые читатели за этот смех над

пороками необычайно любят произведение. Автор светлым юмором преодолевает абсурдные тупики, в которых находятся его герои, а читатель поднимается на высоту, где греха нет. Камни летят не в него. Хотя на самом деле вся изображённая современность в романе печальна, как и в гоголевских «Мёртвых душах». Однако, аналогично бессмертным гоголевским творениям, с помощью смеха преодолевается уныние. Однако стихия смеха охватывает отнюдь не всё художественное пространство.

Печальна и лишена юмористической окраски история Мастера и его возлюбленной Маргариты. Попытки провести параллель с биографией Булгакова интересны и своей похожестью, и своим несовпадением. И вторая, и третья жена Булгакова (Л.Е. Белозерская и Е.С. Шиловская) узнавали себя в Маргарите. Но едва ли их радовали ведьминские клыки, желание служить самому сатане, чтоб остаться с Мастером любой ценой. Автор показал, что хлопоты перед силами ада приводят обоих супругов к смерти, к погружению во мрак небытия. Слуги дьявола угощают их отравленным вином, ввергая Мастера в апатию и желание смертного покоя.

Ещё один, очень важный для понимания романа вопрос. Почему из всего длинного ряда преступников Маргарита избирает для заступничества Фриду? У Булгакова в романе Маргарита бездетна. И при этом почему-то из обречённых на вечное мучение грешников предметом для жалости избирает детоубийцу. Прозорливый автор выдвигает эту тему на передний план, потому что для самой истории XX века она становится актуальнейшей.

В.В. Набоков в романе «Дар» писал от лица Федора Годунова Чердынцева: «<...> Происходило много интересного, в России наблюдалось распространение абортов и возрождение дачников, в Англии были какие-то забастовки, кое-как скончался Ленин...» [11, с. 58].

А.Н. Варламов в жизнеописании Булгакова (серия ЖЗЛ) приводит важные биографические сведения. Первая жена Булгакова Татьяна Лаппа дважды делала аборт – до венчания, в Киеве, а затем приезжала с этой целью в революционную Москву из Смоленской губернии, опасаясь остаться в Никольском или Вязьме навсегда [4, с. 65–70].

Исследователи часто склоняются к биографическому толкованию ситуаций романа «Мастер и Маргарита». Безусловно, здесь немало убедительного, но и обнаруживаются многочисленные противоречия. Хотя романная ситуация может иметь аналог отнюдь не только в судьбе автора, текст романа ведёт к предположению, что незадолго до смерти Булгаков побывал не только в американском посольстве, но был арестован, Елена Сергеевна вызволила его из лап НКВД, поприсутствовав для этого «на балу у сатаны», за которым угадываются некоторые намёки на кого-то из главных хозяев эпохи.

Отнюдь не исповедует Маргарита непротивленческий комплекс Га-Ноцри, но хочет, чтоб Мастер боролся за свой роман, любовница рвется наказывать критиков-атеистов (не за атеизм, а за враждебные нападки на своего любовника), ее ложное милосердие к нераскаявшимся грешникам вызывает почтительное снисхождение у Воланда.

Аналогия *Мастер – Булгаков* чаще всего не вызывает сомнений, хотя и

свидетельствует о пренебрежении законами искусства. Несмотря на то что третья жена, имевшая двоих сыновей от первого брака, узнавала себя в образе Маргариты, писатель сделал её в романе бездетной. Л.Е. Белозерская также не отрицала родства с Маргаритой. Но дело в том, что целью романа не был рассказ о личной жизни, автор запечатлевает дарованное ему прозрение сущностных духовных очертаний современности. В этом отношении бездетная женщина представляла весьма значимой фигурой эпохи, над которой сатана приобрёл неограниченную власть. Евангельская проблема возмездия, по-своему осмысленная символическими, особенно глубоко и многогранно А. Блоком, не прошла мимо Булгакова.

Ставший отчимом Булгаков горячо полюбил ребёнка. А. Варламов привёл такое воспоминание Елены Сергеевны: «Миша иногда, глядя на Сергея малого, разводил руками, поднимал плечи и говорил: “Немезида!.. Понимаешь ли ты, Сергей, что ты – Немезида?” На что Сережка оскорбленно отвечал: “Мы ещё посмотрим, кто здесь Мезида, а кто Немезида!”» [4, с. 543-544]. Близкое общение с ребёнком подчеркнуло, чего муж лишился, что потерял как несостоявшийся отец неродившихся детей, убитых в утробе двух его жён, отказавшихся от материнства. Заметим, что первый аборт, который сделала до венчания Татьяна Лаппа, не был продиктован какими-то сверхдраматическими внешними условиями. Отец Татьяны мечтал стать дедом и, конечно же, не оставил бы внука без финансовой поддержки. Но участие злых сил в судьбе булгаковской семьи начало обнаруживать себя уже в пред-

военные годы (до 1914).

Уход Елены Сергеевны от отца своих детей воспринимался обоими супругами Булгаковыми как счастливая неизбежность, но не случайно литературная героиня приобретает очертания ведьмы. Одна из оценок женского поступка прозвучала из уст невинного ребёнка в присутствии отчима, которого младший сын жены называл фамильярно Потапом. Однажды семья, включая старшего сына Женю Шиловского, сидела за столом. Елена Сергеевна вспоминала, как Булгаков обратился к мальчишкам: «”Дети, в жизни надо уметь рисковать... Вот смотрите на маму вашу, она жила очень хорошо с вашим папой, но рискнула, пошла ко мне, бедняку, и вот, поглядите, как нам сейчас хорошо...” И вдруг, Сергей малый, помешивая ложечкой кофе, задумчиво сказал: “Подожди, Потап, мама ведь может ‘искнуть ещё ‘аз”. Потап выскочил из-за стола, красный, не зная, что ответить ему, мальчишке восьми лет» [цит. по: 4, с. 544].

Вспомним, что мучения детоубийцы Фриды вызвали особенное сочувствие у булгаковской героини, и это сострадание «оценил» Воланд с удовольствием, поскольку он «враг рода человеческого». Заметим, что Булгаков здесь выступает не просто с целью самоосуждения или самооправдания – он, по сути, обнажил один из ведущих провалов XX века. Население в России за весь XX век не увеличилось, сатана эту псевдосострадательность Маргариты поощряет, шутливо предлагая законопатить тряпками щели в своей спальне, чтоб через них не просачивалось милосердие. И вот уже детоубийцы не только в Западной Европе, но и в России избавлены и от морального порицания, и от физиче-

ских страданий при избавлении от потопства. Будучи доктором и сохраняя контакты с врачебной средой, Булгаков знал не понаслышке, что аборт стал обыденным, мимолетным эпизодом в жизни женщины XX века. Уже в 1920-е годы на эту тему писал рассказы ещё один врач, с которым М. Булгаков состоял в дружеских отношениях, – В.В. Вересаев.

Отказавшихся от божественного дара деторождения Мастера и Маргариту, однако, сатана привлекает перспективой научного изобретения «нового человека». Воланд рисует обольстительную картину «псевдотворческого» загробного существования: «Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула? Туда, туда. <...> По этой дороге, мастер, по этой» [3, 727]. Дьявол толкает героев на подменный путь. «Азъ есмь путь и истина и жизнь» [Евангелие от Иоанна, 14, 6], – говорил Христос. Мастер и Маргарита Источнику Жизни предпочитают тропу врага рода человеческого, от Света они добровольно в сопровождении кавалькады злых духов уходят во тьму небытия.

Величко в споре с Владимиром Соловьёвым об идеях Льва Николаевича Толстого, хотя и резко не принимал теорию непротivления злу насилем, но предполагал, что для атеистов их поворот в сторону христианских идей даже и в таком спрямлённом виде может иметь положительное значение [5, 35-36].

Прочитать события XX века в свете христианской истории и истории духовных «исканий» (откровений и заблуждений) мыслителей и художни-

ков, стать звеном в цепи преемственности – к этому писателя призывали обстоятельства его семейной и индивидуальной судьбы, духовный опыт. Отнюдь не исповедует Маргарита непротivленческий комплекс Га-Ноцри, но хочет, чтоб Мастер боролся за свой роман, любовница рвётся наказывать критиков-атеистов (не за атеизм, а за враждебные нападки на своего любовника), её ложное милосердие к нераскаявшимся грешникам вызывает почтительное снисхождение у Воланда.

Школьные и вузовские толкователи романа часто упускают из виду отсутствие имени у Мастера. Мастер вместо имени – масонский высший уровень, апофеоз духовного «самосовершенствования». Заметим, что Мастер лишён имени, данного ему при крещении, но имеет высший (из низших ступеней) титул масонской иерархии, после признания писателем власти Воланда мессир обещает ему переход к высшим ступеням. Но утрата имени православным человеком – трагическая, непоправимая ситуация. Булгаковский герой несчастлив, погружен в одинокое прозябание и до встречи с Маргаритой, и после разлуки с ней, он в положении героя Достоевского – «человека из подполья». Однако его трепетная обращенность к истокам христианской истории, живое переживание кардинально значимых для всего мира событий вызывает авторское и читательское сочувствие к безымянному герою.

В финале романа Мастера весь Ершалаим (аналогия которому Москва) охвачен тьмой. Именно этот акцент доминирует при цитировании «уцелевших страниц» рукописи Мастера. Финал 29 главы романа связан с описа-

нием «последней грозы»: «Чёрная туча поднялась на западе и до половины отрезала солнце. Потом она накрыла его целиком. <...> Ещё через некоторое время стало темно. Эта тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город. Исчезли мосты, дворцы. Всё пропало, как будто этого никогда не было на свете. Через всё небо пробежала одна огненная нитка. Потом город потряс удар. Он повторился, и началась гроза. Воланд перестал быть видим в её мгле» [3, с. 719]. Характерное добавление. Для России грозовая история Великой Отечественной войны связана с отдалением от козней дьявола, возвращением веры в жертвенный подвиг Христа.

Булгаков дописывал последние страницы в 1940 году. Тьма безверия приводит Европу и Россию к бездне кровопролития, страдания, безумия, торжеству смерти. Тьма военного быта сопровождает тьму безверия. Такова реальность Второй мировой войны, которая началась уже при жизни М.А. Булгакова. Ещё несколько месяцев после кончины писателя – и Москва погрузится в военную тьму, знаковым символом которой станут светомаскировки, отсутствие электричества, тревоги, бомбежки, ночные марши мобилизованных солдат и ополченцев, потоки беженцев, пожары... Бедный Ершалаим... Пожары, устроенные котом Бегемотом и Коровьевым-Фаготом, могут быть истолкованы как предвестие военных пожаров, разразившихся уже на территории Европы.

У автора романа о Мастере, попавшем в подчинение к дьяволу, были вполне понятные сомнения относительно вероятного восприятия текста читателями, отсюда попытки сжечь ру-

копись, чтоб избежать опасности «сворачивания малых сих». Но этому произведению не было суждено сгореть.

Булгаков опасался, что будет уподоблен своему безымянному герою. В воспоминаниях драматурга Алексея Файко есть свидетельство о последней встрече с Булгаковым: «"Я умираю, понимаешь?" – Я поднял руки, пытаюсь сказать что-то. – "Молчи. Не говори трюизмов и пошлостей. Я умираю. Так должно быть – это нормально. Комментарию не подлежит". – "Михаил Афанасьевич..." – начал было я. "Ну что – Михаил Афанасьевич! Да, так меня зовут. Я надеюсь, что ты имени-то моего не забудешь? Ну и довольно об этом. Я хотел тебе вот что сказать, Алёша, – вдруг необычно интимно произнес он. – Не срывайся, не падай, не ползи. Ты – это ты, и, пожалуй, это самое главное"» [15, с. 352].

Предсмертное завещание-просьба Булгакова свидетельствует о православном осознании значения имени, смиренном приятии предстоящего ухода, предостережении не смиряться перед злом, лишаящим человека его личностной неповторимости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Августин Аврелий. Исповедь. – М., 1991. – С. 114.
2. Блок А.А. Владимир Соловьёв и наши дни // Блок А.А. Собр. соч.: В. 8 т. Т. 6. – М.; Л.: Гослитиздат, 1962. – С. 154–159.
3. Булгаков М.А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 719.
4. Варламов А.Н. Михаил Булгаков. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 840 с. (Жизнь замечательных людей; вып. 1139).
5. Величко В.Л. Владимир Соловьёв. Жизнь и творения // Книга о Влади-

- мире Соловьёве. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 37.
6. Гоголь Н.В. Театральный разъезд // Гоголь Н.В. Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 249.
 7. Диакон Андрей Кураев: «Мастер и Маргарита»: за Христа или против? – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. – 160 с.
 8. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Pro et contra. Полемика вокруг идей И.А. Ильина о сопротивлении злу силою. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 576 с.
 9. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. – М.: Русская книга, 1994. – С. 178-179.
 10. Майков А.Н. Избранные произведения. – М.: Советский писатель, 1977. – 911 с.
 11. Набоков В.В. Дар: роман / Авт. предисл. А.С. Мулярчик. – М.: Совместное советско-американское предприятие «СОВАМИНКО», 1990. – С. 58.
 12. Соколов Б.В. Расшифрованный Булгаков: тайны «Мастера и Маргариты». – М.: Эксмо; Яуза, 2010. – 608 с.
 13. Соловьёв В.С. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – С. 103.
 14. Труды Киевской духовной академии. Год XLIV. Книга IX. – Киев, 1903. – С. 423-448. (Цит по: Варламов А.Н. Михаил Булгаков. – М., 2008. – С. 30.)
 15. Файко А.М. «Михал Афанасьич» // Воспоминания о Михаиле Булгакове: Сборник / Сост. Е.С. Булгакова и С.А. Ляндрес. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 347-353.